

Е.В. Амелина

## Сон Татьяны и его значение в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин»

Сон героя, введенный в повествование, — излюбленный композиционный прием Пушкина. Знаменательный, «пророческий» сон видит Гринев в «Капитанской дочке». Сон, предвосхищающий будущие события, посещает и Татьяну Ларину в романе «Евгений Онегин».

Содержание сна необычно. В этом сне героиня видит «большого, взъерошенного медведя», который переводит ее через поток, а затем начинает преследовать ее в лесу. Татьяна пытается убежать от него, но на пути ее встает множество препятствий:

Снег рыхлый по колена ей;  
То длинный сук ее за шею  
Зацепит вдруг, то из ушей  
Златые серьги вырвет силой;  
То в хрупком снеге с ножки милой  
Увязнет мокрый башмачок...

В бессилии Татьяна падает в снег, медведь «проворно Ее хватает и несет» в избушку, полную демонических чудовищ:

Один в рогах с собачьей мордой,  
Другой с петушьей головой,  
Здесь ведьма с козьей бородой,  
Тут остов чопорный и гордой,  
Там карла с хвостиком, а вот  
Полужуравль и полукот.

Вдруг Татьяна узнает среди них Онегина, который здесь «хозяин». Героиня наблюдает за всем происходящим из сеней, из-за дверей, не осмеливаясь войти в комнату. Любопытствуя, она немного отворяет дверь, и ветер задувает «огонь светильников ночных». Пытаясь понять, в чем дело, Онегин отворяет дверь, и Татьяна предстает «взорам адских привидений». Затем она остается с Онегиным наедине, но уединение это неожиданно нарушают Ольга и Ленский. Онегин в гневе:

И дико он очами бродит,  
И незваных гостей бранит;  
Татьяна чуть жива лежит.  
Спор громче, громче; вдруг Евгений  
Хватает длинный нож, и вмиг  
Повержен Ленский...

Сон этот весьма многозначителен. Стоит отметить, что он вызывает у нас различные литературные ассоциации. Сам сюжет его — путешествие в лес, тайное подглядывание в маленькой избушке, убийство — напоминает нам пушкинскую сказку «Жених», в которой героиня выдает за свой сон происшедшие с ней события. Со сказкой перекликаются и отдельные сцены сна Татьяны. В сказке «Жених» героиня слышит в лесной избушке «крик, хохот, песни, шум и звон», видит «разгульное похмелье». Татьяна тоже слышит «лай, хохот, пенье, свист и хлоп, Людскую молвь и конский топ». Однако сходство здесь, пожалуй, этим и исчерпывается.

Сон Татьяны напоминает нам и другой «волшебный» сон — сон Софьи в комедии Грибоедова «Горе от ума»:

Тут с громом распахнули двери  
Какие-то не люди и не звери  
Нас врознь — и мучили сидевшего со мной.  
Он будто мне дороже всех сокровищ,

Хочу к нему — вы тащите с собой:  
Нас провожают стон, рев, хохот, свист чудовищ!

Однако Софья у Грибоедова придумывает этот сон, его не было в действительности.

Стоит отметить, что сюжеты обоих снов — настоящего и выдуманного — отсылают нас к балладе Жуковского «Светлана». Как и Светлана, Татьяна гадает на святки. Она наводит зеркальце на месяц, спрашивает имя у встречного прохожего. Ложась спать, героиня снимает оберег, «поясок шелковый», собираясь гадать «на сон». Характерно, что Жуковский в своей балладе не обговаривает того, что все происходящее со Светланой, — ужасный сон. Об этом мы узнаем в конце произведения, когда наступает счастливое пробуждение. Пушкин же говорит открыто: «И снится чудный сон Татьяне». В романтической балладе Жуковского присутствуют все «атрибуты жанра»: «черный гроб», «черный вран», «темна даль», тусклый свет луны, метель и вьюга, мертвец-жених. Светлана смущена и расстроена увиденным сном, думает, что он вещает ей «горькую судьбину», однако в реальности все заканчивается хорошо: жених ее, цел и невредим, появляется у ее ворот. Тон поэта в финале становится бодрым и жизнеутверждающим:

Лучший друг нам в жизни сей  
Вера в провиденье.  
Благ зжидителя закон:  
Здесь несчастье — лживый сон;  
Счастье — пробужденье.

Совсем иные интонации слышатся в пушкинских стихах:

Но сон зловещий ей сулит  
Печальных много приключений.

Сон Татьяны является «вещим». Он предвещает ей будущее замужество (видеть во сне медведя, согласно народным верованиям, предвещает женитьбу или замужество). Кроме того, медведь во сне героини является кумом Онегина, а ее муж, генерал, действительно приходится Онегину дальним родственником.

Во сне Татьяна, встав на «дрожащий гибельный мосток», переходит через бурлящий, «кипучий, темный и седой», «не скованный зимой» поток — это тоже в символической форме открывает ее будущее. Героиню ждет переход в новое жизненное состояние, в новое качество. Шумящий, клубящийся волной поток, «не скованный зимой», символизирует в этом сне юность героини, ее девические мечтания, любовь к Онегину. Юность — лучшая пора в человеческой жизни, она действительно свободна и беззаботна, подобна сильному, бурному потоку, над которым не властны ограничения, рамки и правила зрелого, «зимнего» возраста. Сон этот как будто показывает, как героиня проходит сквозь один из периодов своей жизни.

Сон этот предваряет и будущие именины в доме Лариных. «Застольные» картины из сна героини перекликаются с описанием именин Татьяны.

Характерно, что Онегин появляется в этом сне в качестве «хозяина» демонических чудовищ, пирующих в избушке. В этой причудливой ипостаси обозначен «демонизм» героя, возведенный в N-ную степень.

Кроме того, Онегин, реакции которого совершенно непредсказуемы, пока еще для Татьяны загадка, он окружен неким романтическим ореолом. И в этом смысле он не только «чудовище», он — «чудо». Еще и поэтому герой в этом сне окружен причудливыми существами.

Известно, что сон являет собой скрытое желание человека. И в этом отношении сон Татьяны знаменателен. Она видит в Онегине своего спасителя, избавителя от пошлости и серости окружающего враждебного мира. Во сне Татьяна остается с героем наедине:

Мое! — сказал Евгений грозно,  
И шайка вся сокрылась вдруг;

Осталася во тьме морозной  
Младая дева с ним сам-друг...

Далее сон в символической форме снова рисует будущие события: ссору Онегина с Ленским, их поединок, исходом которого стала смерть юного поэта («...Евгений Хватает длинный нож, и вмиг повержен Ленский...»).

Стоит отметить, что сон героини в романе не просто предваряет будущие события. Этот эпизод смещает в романе сюжетные акценты: с отношений Онегина и Татьяны внимание читателя переключается на отношения Онегина и Ленского. Сон Татьяны открывает нам ее внутренний мир, сущность ее натуры.

Миросозерцание Татьяны поэтично, исполнено народного духа, она обладает ярким, «мятежным» воображением, память ее хранит обычаи и предания старины. Она верит в приметы, любит слушать рассказы няни, в романе ее сопровождают фольклорные мотивы. Поэтому вполне естественно, что во сне героиня видит образы русских народных сказок: большого медведя, лес, избушку, чудовищ.

Источником сна Татьяны могли служить «Русские сказки» Чулкова, которые были известны Пушкину. Однако в воображение Татьяны наряду с русским фольклором прочно вошли и европейские литературные традиции, среди которых — готические романы, «британской музы небылицы», с их фантастическими картинками:

Вот череп на гусиной шее  
Вертится в красном колпаке,  
Вот мельница вприсядку пляшет  
И крыльями трещит и машет.

Сон Татьяны в романе имеет собственную композицию. Здесь мы можем выделить две части. Первая часть — это пребывание Татьяны в зимнем лесу, ее преследование медведем. Вторая часть начинается там, где медведь настигает ее, это посещение героиней избушки. Каждая из строф данного отрывка (и всего романа) построена по единому принципу: тема — развитие — кульминация — и афористичная концовка.

В этом эпизоде Пушкин использует эмоциональные эпитеты («чудный сон», «печальной мглой», «дрожащий, гибельный мосток», «на досадную разлуку», «боязливыми шагами», «в нахмуренной красе», «нестерпимый крик»); сравнения («Как на досадную разлуку, Татьяна ропщет на ручей», «За дверью крик и звон стакана, Как на больших похоронах»), перифразу («от косматого лакея»), инверсии («И пред шумящею пучиной, Недоумения полна, Остановилася она»), эллипсис («Татьяна в лес; медведь за нею»), анафору и параллелизм («Он знак подаст — и все хлопочут; Он пьет — все пьют и все кричат; Он засмеется — все хохочут»), прямую речь.

Лексика данного отрывка разнообразна. Здесь есть элементы разговорно-бытового стиля («кряхтя», «мордой»), «высокого», книжного стиля («дева», «светил ночных», «меж дерев», «очи»), славянизмы («младая»).

Мы находим в данном эпизоде аллитерации («Копыта, хоботы кривые, Хвосты хохлатые, клыки», «Вот череп на гусиной шее Вертится в красном колпаке») и ассонансы («Лай, хохот, пенье, свист и хлоп, Людская молвь и конский топ»).

Таким образом, сон Татьяны выступает как средство ее характеристики, как композиционная вставка, как «пророчество», как отражение потаенных желаний героини и потоков ее душевной жизни, как отражение ее взглядов на мир.